

Отзыв

официального оппонента

доктора философских наук, доцента Прокудина Дмитрия Евгеньевича
на диссертацию Гудовой Маргариты Юрьевны
на тему «Чтение в эпоху постграмотности: культурологический анализ»,
представленную на соискание ученой степени доктора культурологии
по специальности 24.00.01 – теория и история культуры
(Екатеринбург, 2015)

Диссертация Гудовой Маргариты Юрьевны посвящена исследованию в высокой степени актуальной, но оставленной без внимания культурологической наукой проблемы «кризиса чтения». Как справедливо замечает диссертант, невнимание культурологической науки к проблемам чтения связано с трудностями разработки метода собственно культурологического анализа чтения, которое традиционно исследуется целым спектром гуманитарных и общественных наук. Представленное исследование последовательно воплощает идею, что на каждую частно-научную проблему у культурологической науки может быть свой, системно-обобщающий взгляд.

В диссертации Маргариты Юрьевны правомерно обосновывается необходимость разработки и разрабатывается методологическая модель анализа чтения как одного из основополагающих феноменов культуры, чье изменение в современную эпоху проявляется наиболее ярко и вызывает сильнейшие разногласия в общественном мнении. Изменение это системно, подлежит фиксации и поиску подхода, который позволит, с одной стороны, констатировать свершившийся факт, а, с другой, показать его место в истории культуры. Дискуссии, которые существуют сегодня в научном поле, обсуждают проблему трансформации чтения либо в социологическом ключе: «дети читают – взрослые не читают», либо в историческом ключе: «Советский Союз был самой читающей страной в мире, а современная Россия таковой не является», либо в технологическом ключе: «раньше читали печатные издания, а сегодня электронные издания с экранов гаджетов», либо в экономическом ключе: «раньше покупали книги в магазине, а теперь бесплатно скачивают в Интернете», либо в институциональном ключе: «перестали посещать библиотеки». Последовательно исследовать многогранную проблему чтения и дать ей культурологическую интерпретацию, вписав трансформации современных процессов чтения в научный контекст истории и теории культуры, означает выявить ее значимость, вывести ее за пределы частно-научного дискурса, придать проблеме фундаментальный

культурологический статус. Все это манифестирует актуальность темы исследования и поставленной автором цели.

Очевидность научной проблемы и большой объем накопленного различными частными науками эмпирического материала по теме исследования ставит перед её исполнителем сложную собственно культурологическую проблему: выбора или разработки адекватного исследовательским задачам научного метода и языка научного изложения.

Разработанная в представленной работе методологическая модель культурологического исследования чтения фундирована, главным образом, двумя концептуальными системами: системной культурологией М.С. Кагана и социологией полей и практик культуры П. Бурдьё. Представления М.С. Кагана о культуре как системном триединстве человеческой, функциональной и предметной стороны культуры определили макроструктуру работы. В ней последовательно описывается сначала *постграмотность*, как специфическое человеческое качество, характеризующее агентов и адептов чтения, возникшее в современную эпоху одновременного существования различных языков культуры, средств медиа и текстов, требующих различных и формирующихся на протяжении всей жизни человека компетенции в отношении грамотности; затем *практики чтения*, позволяющие выявить особенности системного функционирования современного чтения; и, наконец, *манифестации* современного сетевого и не-сетевого полиморфного чтения, характеризующие новую предметность чтения (автореферат, с. 16-17).

Концепция П. Бурдьё о структуре и функционировании полей культуры, а также о практиках, которые определяют функциональную и морфологическую структуру полей, определяет порядок того, как структурируется разнообразный и мультидисциплинарный эмпирический научный материал, и как описывается реальное, системное функционирование практик современного постграмотного чтения. В технологически развивающемся мире человек обрывает новыми (а также модифицированными) культурными практиками, подлежащими последовательному изучению, которое не может быть проведено без серьезного и детального культурологического обоснования. Основополагающие идеи П. Бурдьё позволяют создать культурологическую матрицу для описания чтения как одной из ключевых культурных практик, что обладает несомненной **научной новизной** и **практической значимостью** для учёного, преподавателя, специалиста в сфере информационных технологий и массовых средств медиа, менеджера в сфере культуры и искусства, новых медиа.

Научная новизна исследования видится 1) в создании методологической модели культурологического анализа чтения; 2) в выявлении и анализе особой

культурно-исторической эпохи – постграмотности; 3) в построении эмпирической модели системы постграмотного чтения как системы культурных практик.

В первой главе «Теоретико-методологические основания исследования чтения в эпоху постграмотности» М.Ю. Гудова демонстрирует глубокое понимание актуальных культурологических концепций и делает выводы о специфике современной культуры и о месте чтения в эпоху доминирования цифровой поликодовой информации. Отметим, что автор не ставит перед собой задачи вскрыть противоречия в современных описаниях культуры. Это представляется целесообразным (автор ищет основания исследования, а не выступает в роли научного арбитра), так как осмысление растущей множественности способов получения информации в современном мире является первостепенной задачей для теоретика культуры. Поиск ответа на вопрос о границах между тем типом чтения, который сложился в гутенбергову эру, и типами освоения информации в XXI веке гораздо важнее, чем сравнение этих типов по аксиологической шкале. Гудова М.Ю. делает решительный шаг за пределы сложившейся и, признаемся, не часто подвергавшейся научной культурологической рефлексии, системы «литература – чтение», тем самым открывая другую систему – «информация – грамотность – чтение». Феномену «грамотности», традиционно характеризующемуся через умения «писать и читать», Маргарита Юрьевна ищет современные формы существования и обнаруживает, с одной стороны, существенное расширение умений и навыков, определяющих современное состояние грамотности – так называемую «постграмотность», вызываемую поликодированностью, мультиканальностью социально-значимой информации, а, с другой стороны, существенное изменение традиционных параметров грамотности в отношении чтения и письма в ситуации полиморфности и гипертекстуальности создаваемых и воспринимаемых текстов. При такой постановке вопроса в предметную зону «чтения» попадают и чтение мобильных сообщений, электронной почты, сообщений социальных сетей, и городских вывесок и объявлений, а также многие другие культурные практики, которые при традиционном подходе оказываются невидимыми.

Ключевым для исследования является третий параграф первой главы «Методологические принципы исследования чтения в эпоху постграмотности», в котором разрабатывается методологическая модель культурологического анализа чтения, предлагается и обосновывается авторская методика построения эмпирической модели постграмотного чтения как системы множественных культурных практик. Автор диссертации демонстрирует знание и умение сочетать различные методики культурологического анализа, включая методики анализа практик, семиотического анализа, дискурсивного анализа, институционального анализа, а также методики анализа идентичности и методики феминистской

критики. В результате большой методологической работы вырабатывается порядок осуществления различных интеллектуальных процедур создания культурологической модели чтения как системы практик в социально-коммуникативной подсистеме культуры.

Выводы, к которым приходит соискатель в конце первой главы несомненно достоверны: существенно изменились отношения в триаде *автор – текст – читатель*, эти изменения выявлены и описаны, что позволило М. Ю. Гудовой сформулировать искомое определение постграмотного чтения: «это особый культурно-исторический тип чтения, возникающий на основе технико-технологических возможностей порождения, функционирования и восприятия мультимедийных полиморфных гипертекстов, предоставляемых современными гаджетами, осуществляемый новыми виртуальными читателями в культуре, существенно изменившей отношения автора и читателя, а также утвердившей в этих отношениях (социально-коммуникативной системе в целом) главенство языков и культурных кодов, программных и технологических средств трансляции текста» (автореферат, с. 30).

Во второй главе «Особенности культурных практик чтения в эпоху постграмотности» изучены социокультурный фон практик чтения, морфологические особенности практик чтения, их социальное функционирование, в особенности социально-организующие функции. Социокультурный фон изменившихся практик постграмотного чтения составляют особенности современных проявлений потребительской и информационной культуры, выразившиеся в расширении и принятии новых досуговых практик, конкурирующих, сопутствующих и поддерживающих чтение, таких как просмотр телепередач, компьютерные развлечения, реальные и виртуальные путешествия. Автором проведено научное сопоставление чтения с конкурирующими, сопровождающими и поддерживающими культурными практиками. Исследователь обоснованно приходит к выводу, что каждая из современных досуговых практик в том или ином виде включает в себя чтение в его расширительном понимании как чтение текстов культуры, и от степени включенности в фоновую практику элементов чтения зависит то, насколько она осуществляется автономно, а насколько зависимо от чтения.

Второй параграф второй главы «Морфологические особенности актуальных практик постграмотного чтения» выполняет функции систематизации описываемых в разных местах текста практик современного чтения по морфологическому принципу. В основе морфологической структуры современного постграмотного чтения автором диссертации положены 3 признака: 1) языки культуры, 2) средства трансляции языковой информации, 3) функциональное предназначение текстов. В результате выстраивается

морфологическая система от практик аудиочтения, визуального и сенсорного чтения до практик окказионального, служебного и досугового чтения.

Подробный анализ специфики практик постграмотного чтения осуществлен М.Ю. Гудовой на примере практик служебного и досугового чтения. Они проанализированы с точки зрения снаряжения или технико-технологического оснащения, программ-матриц и практических задач и навыков чтения, а также читательских идентичностей, формируемых в процессе чтения. Особым характером реализации навыков чтения состоящим в духовно-экзистенциальной работе с читаемым текстом отличаются, по мнению автора исследования, дискурсивные практики. Именно в них процесс чтения становится духовно-экзистенциальным событием в жизни личности, именно они являются самыми затратными по духовно-эмоциональным усилиям, именно они побуждают ценить в информационную эпоху бумажную книгу, но именно они требуют таких навыков работы со смыслом, что оказываются доступны лишь немногим читателям (их в пору причислять к «избранным»), для которых возможно такое духовно-экзистенциальное эмоционально-энергетически затратное чтение. Это дает ответ на сложный вопрос о том, почему сегодня читается все меньше художественной литературы, и все больше внимания уделяется информационному, просмотрovому, поисковому, служебному чтению; но, одновременно, почему продолжают издавать и покупать бумажные издания, когда существуют электронные аналоги и книгам, и газетам, и журналам в современном мире.

Третий параграф второй главы «Социально-организующая функция практик постграмотного чтения» концептуально опирается на «раскрывающую функцию практик (П. Бурдьё), их способность проявить то, что побуждает читателя читать, каким образом формируется читательская идентичность, каким образом разные субъектности вступают в диалог друг с другом в процессе чтения, как трансформируется читательское сообщество» (автореферат, с. 43-44). Социально организующие функции чтения рассматриваются автором исследования в сравнительно-историческом аспекте, и каждая из анализируемых функций берется в трёх исторических параметрах: чтение классической литературы XIX века, массовой литературы XX века и сетевых текстов XXI века. Автор приходит к выводу, что развитие системы функционирования происходит от единственного модуса каждой осуществляемой функции в XIX веке к множественности функциональных модусов чтения в современную эпоху постграмотности; что произошел переход: от единственной ценности, идентичности, формы диалога, институции чтения к множественности ценностей, идентичностей, форм диалога и институций, что вполне соответствует теории систем.

В третьей, заключительной главе исследования «Манифестации практик постграмотного чтения в современной культуре» автор убедительно доказывает действенность и эффективность предложенной методики на материале полиморфных текстов разной языковой природы и существующих в разных медийных (сетевой и не-сетевой) средах. Внедрение метода описания множественных культурных практик постграмотного чтения демонстрирует, что метод может применяться для более детального и скрупулезного исследования конкретных видов чтения отдельных типов текстов.

В качестве манифестаций новых отношений между авторами-текстами-читателями в современной культуре Маргарита Юрьевна рассматривает различные полиморфные тексты: это тексты сетевых дневников известных блогеров-тысячников, тексты аудио-визуальных перформансов, тексты визуальных поэм. Эти тексты несут все приметы нового постграмотного чтения: 1) «авторские маски», 2) читательскую, формирующую структуру текста, активность, 3) текст, сочетающий в своих структурных элементах различные языки: вербальный язык, язык фотоизображений и язык видеоизображений, звучащий язык слова и звучащий язык музыки, множество гиперссылок, делающих текст открытым и потенциально бесконечным для читательского дрейфа-чтения. Автор исследования подчеркивает, что такие полиморфные тексты, дающие эротическое наслаждение от сочетания мужской рациональности и женской полисенсорности, позволяют преодолеть кризис логоцентризма, случившийся в культуре XX века, и восстановить изначальное мультимедийное получение информации в современной культуре на новом уровне, который обеспечивают сегодня технологии создания виртуальной реальности при помощи различных гаджетов.

Работа, которая в своем начале обещала ответить на один вопрос о «кризисе чтения», при последовательном и внимательном применении разработанного метода системно-функционального культурологического анализа ответила на многие: почему стали меньше читать художественную литературу и стало больше окказионального чтения; почему, читая электронные книги, продолжают покупать книги бумажные; каким образом изменились за последние сто лет ценности и идентичности читателей, а также формы их диалога с автором и героями; как преодолеть кризис логоцентризма и кризис просвещения.

Однако, как и любая большая работа, которая совершенно справедливо рассматривается «не только как законченное сочинение, но и как большой исследовательский проект» (диссертация, с. 292), представленная на защиту диссертация не избежала и некоторых недостатков.

1. Обосновывая методологическую модель культурологического исследования чтения концепцией полей и практик культуры П. Бурдьё, автор не

опирается на нуклеарную концепцию культуры (Ю.М. Лотман, А.И. Ракитов), в рамках которой возможно объяснить как происхождение новых культурных полей, порождённых эпохой постграмотности, так и проследить степень и динамику их влияния на «культурное ядро».

2. В связи с предыдущим замечанием в системном культурологическом анализе исследователем не рассмотрена триада «культурные поля – защитный пояс – культурное ядро», что могло бы послужить для выявления процессов сохранения и трансляции «культурного ядра» в пространстве эпохи постграмотного чтения.

3. При выявлении особенностей культурных практик чтения в эпоху постграмотности не достаточно полно производится различение читателей по различным социокультурным основаниям, например, практики чтения могут (и скорее всего) различаться у жителей города и сельской местности; у представителей трудящихся и творческой интеллигенции; у разных возрастных категорий (разделение здесь, как видится, происходит на основе социокультурной адаптации к условиям информационного общества) и т.д. и т.п.

4. В третьей главе автор при анализе сетевых и несетевых полиморфных гипертекстов упускает из виду наличие в некоторых из них кодированной информации, например встроенные в гипертекст QR-коды, что позволяет расширить структуру чтения как социально-коммуникативной системы и представить её из следующих компонентов: *автор – текст – информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) – читатель*. При этом на ИКТ возлагаются функции декодирования, а на читателя – интерпретации.

5. В третьем параграфе второй главы при функциональном анализе социально-организующих практик постграмотного чтения Маргарита Юрьевна ограничивается сравнительным анализом современных практик чтения с традиционными практиками чтения классической литературы и женских журналов. При этом от её внимания ускользают традиционные письма и письма электронной почты, которые адресованы конкретному реципиенту (а не предназначены для прочтения любым человеком). А их сравнительный анализ мог бы дать дополнительные результаты исследования.

Вне зависимости от высказанных замечаний необходимо подчеркнуть, что работа воспринимается как актуальное, целостное, достоверное и законченное исследование, докторское – по замыслу и реализации, соответствующее заявленной специальности, разносторонне апробированное. Публикации и автореферат полно и всесторонне отражают авторскую концепцию.

Представленная к защите диссертация является самостоятельным, завершённым, характеризующимся научной новизной исследованием актуальной теоретической и практической крупной научной проблемы. Это дает основание

считать, что работа «Чтение в эпоху постграмотности: культурологический анализ» соответствует требованиям п. 9 и п. 10 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. № 842, а ее автор, Гудова Маргарита Юрьевна, заслуживает присуждения ученой степени доктора культурологии по научной специальности 24.00.01 – Теория и история культуры.

Официальный оппонент:
доктор философских наук
(24.00.01 – Теория и история культуры),
доцент, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский
государственный университет»,
доцент кафедры логики

_____ Прокудин Дмитрий Евгеньевич

_____ <
19 ноября 2015.

Почтовый адрес:
199034, г. Санкт-Петербург,
Менделеевская линия, д. 5
Телефон: +7 (812) 328-94-29
E-mail: d.prokudin@spbu.ru